

ПИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Алексеевна КУРИЛО¹

Елена Георгиевна НОВИКОВА²

УДК 82-311.8

ОБРАЗ СИБИРИ КАК РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ВОСТОКА В ТРАВЕЛОГЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»

¹ соискатель кафедры русской и зарубежной литературы,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
менеджер Отдела по работе с иностранными обучающимися,
Томский политехнический университет
coureelosvetlana@gmail.com

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
elenov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изображению Сибири в последних частях книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“». Цель работы — реконструировать целостный образ Сибири как восточной колонии Российской империи во «Фрегате „Паллада“». Материалом стала книга «Фрегат „Паллада“», а также публицистическое и эпистолярное наследие писателя. Методологической основой данного исследования являются имагологический и культурологический подходы к изучаемому материалу. Указанная цель и использованная методология обусловили многоаспектную научную новизну исследования.

Цитирование: Курило С. А. Образ Сибири как российского колониального Востока в травелоге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» / С. А. Курило, Е. Г. Новикова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 22-40. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

Результаты исследования состоят в следующем. Во «Фрегате „Паллада“» Гончарову удалось создать целостный образ Сибири, для реконструкции которого плодотворным представляется имагологический подход к материалу и концепция Г. Д. Гачева о национальной картине мира, выраженной посредством трехсоставного авторского термина «Космо-Психо-Логос». Основным особенностям сибирского Космоса — пустынным пространствам и суровому климату — Гончаров противопоставляет гуманное Психо Сибири, обусловленное гармоничным сосуществованием русских переселенцев и коренных сибирских этносов, что убедительно реализуется и в сибирском Логосе — живом взаимодействии русского языка и языков коренных сибирских народов. В современной имагологии в травелогах активно исследуется взаимодействие категорий «свое/чужое». В «чужой» Сибири постоянны писательские сравнения со «своими» русскими реалиями: специфика гончаровского подхода — воспринимать чужое пространство сквозь призму своего, таково его авторское и человеческое мироощущение.

Таким образом, сделаны следующие выводы: в статье показано, что позиция Гончарова, приверженца идей гуманизма и одновременно с этим чиновника, официального лица дипломатической экспедиции, обусловила идиллически положительное изображение сибирского края как восточной колонии, эффективно осваиваемой Российской империей.

Ключевые слова

И. А. Гончаров, фрегат «Паллада», Сибирь, травелог, ориентализм, колониализм, пост-колониализм, имагология, Космо-Психо-Логос.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

Введение

Книга И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» (1855-1856), в которой описано его кругосветное морское путешествие с сухопутным возвращением в Санкт-Петербург через Сибирь, ознаменовала собой новый этап в творчестве писателя, значительно отличаясь от остальных его произведений как своей жанровой природой, так и содержанием. Ее тематика и проблематика весьма обширна: автор наблюдал и описывал различные страны и народы, осмысливал их жизненные уклады и национальные особенности, постигал чужое пространство, сопоставляя его со своим. Центральной в произведении выступает проблема познания чужих миров: Гончаров создает свои собственные оригинальные, субъективные и многоаспектные образы Англии-метрополии и ее африканских и азиатских колоний; также писатель предлагает и собственный образ Сибири как российской колонии. Такая авторская позиция позволяет отнести произведение к жанру травелога [7].

Гончаров имел возможность составить представление о современной ему колониальной проблематике еще до своего кругосветного путешествия: пробыв приблизительно двадцать лет на государственной службе в должности чиновника Департамента внешней торговли министерства финансов, он мог наблюдать

и оценивать различные события и процессы в России и в мире. Писатель был также знаком и с художественными произведениями, описывающими жизнь коренного населения колонизированных Европой регионов (произведения Ф. Купера, романы В. Гюго «Бюг-Жаргаль», Э. Сю «Атар-Гюль», Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и др.). Но, как верно отмечает исследователь Н. К. Пиксанов, именно во время дипломатической миссии фрегата «Паллада» в Японию «в продолжительном путешествии перед Гончаровым раскрылась та сторона международной жизни, какая была недоступна наблюдениям многих русских писателей — Тургенева, Достоевского, Толстого: картины колониального угнетения и мировой торговли» [14, с. 29]. Во время этой экспедиции Гончаров как секретарь дипломатической миссии лично постигал и оценивал социально-экономические, политические и культурные стороны колониальной деятельности европейских империй (Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов, Испании, Голландии и др.) на Востоке, а также Российской империи в Сибири.

В настоящее время в литературоведческих исследованиях, посвященных «Фрегату „Паллада“», отсутствует целостный анализ гончаровского образа Сибири. Такие известные гончароведы, как Е. А. Краснощекова [6], Ю. М. Лощиц [8] и В. И. Мельник [9], отмечали специфику писательского восприятия Сибири; тем не менее их исследовательский интерес фокусировался в основном на отдельных аспектах сибирской действительности. Литературовед О. Г. Постнов [15] обращается к сибирским главам гончаровского травелога в аспекте философско-эстетических воззрений Гончарова и творческого пути писателя в целом, рассматривая «свое», русское освоение Сибири, но специально не обращаясь к колониальной проблематике. Исследователь полагает, что именно в Сибири Гончаров находит тот человеческий идеал, который он стремился отыскать в своем кругосветном путешествии: в нем гармонично соединяются два противоположных человеческих начала, духовно возвышенный героический романтизм с одной стороны, и обыденный деятельный реализм с другой. С точки зрения О. Г. Постнова, именно в сибирских поселенцах воплощен «идеал Гончарова <...> человек бескорыстного, творческого, духовного труда» [15, с. 53]. В свою очередь, С. С. Лим и Р. Д. Кларк [18], обращаясь к гончаровским образам Востока, анализируют писательские взгляды на Китай, Японию, Корею и Ликейские острова, в то время как Сибирь в данной работе описана в общих чертах и взаимосвязана прежде всего с образом Японии, поскольку Сибирь и Япония отнесены исследователями к собственно российскому Востоку. Помимо этого, в работе проанализированы воззрения романиста на исторический прогресс и развитие мировой цивилизации, а также на актуальную международную обстановку, сложившуюся в период его кругосветного путешествия. Это обусловлено тем, что, с точки зрения исследователей, образы Востока в гончаровском травелоге самым непосредственным образом связаны с репрезентацией в нем Западной Европы;

однако в данном исследовании колониальная проблематика, в сущности, не рассматривается.

В современных постколониальных и ориенталистских исследованиях особую актуальность приобрели проблемы изучения взаимоотношений имперского центра с окраинными регионами. С позиций работ Э. Саида и его идейных последователей восприятие Российской империи как азиатской империи представляется крайне актуальным: Сибирь, с точки зрения Гончарова, предстает в роли собственного «чужого» российского Востока, не являющегося исконно русским пространством и населенным лишь частично ассимилировавшимися коренными сибирскими этносами. Поэтому актуальность исследования обусловлена как изучением специального вопроса колонизации Сибири, поставленного Гончаровым, так и общей проблематикой активного обращения русской классической литературы к описанию политических и геополитических процессов [12]. Материалом исследования стала книга «Фрегат „Паллада“», а также публицистическое и эпистолярное наследие писателя. Цель — реконструировать целостный образ Сибири как российской восточной колонии в травелоге Гончарова «Фрегат „Паллада“». Данная цель и обусловила научную новизну исследования, которая определяется также тем, что в нем были впервые использованы такие методологические подходы к изучаемому материалу, как имагологический и культурологический.

Важным направлением современной имагологии является изучение «воображаемого пространства», созданного на основе опыта реального путешествия. Традиция осмысливать и создавать собственный образ географического пространства, наделяя его определенными признаками и качествами, выступает неотъемлемым свойством творческого сознания авторов травелогов. Посещение автором-путешественником нового географического и незнакомого культурного пространства влечет за собой стремление смоделировать его субъективный образ и представить этот образ читателю. С точки зрения Д. Н. Замятина, реальное географическое пространство именно в художественном произведении претерпевает значительные трансформации: «В данном случае уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по собственным законам» [4]. Как верно отмечают Е. Г. Милюгина и М. В. Строганов, именно «текстуализация пространства» выступает специфической формой «репрезентации культурной и локальной идентичности» [10].

Писатель-путешественник, физически перемещаясь в чужое пространство, одновременно имеет возможность совершить духовное погружение в другую национальную культуру, иной менталитет и образ жизни. В этом аспекте плодотворной представляется культурологическая концепция Г. Д. Гачева: «Каждая национальная целостность: народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей». На этом основании он сформировал специальный емкий и содержательный термин «Космо-Психо-Логос» [1, с. 9]. Сама конструкция этого термина обусловлена тем, что он репрезентирует един-

ство трех базовых составляющих каждой нации: «Космо» — природный мир, «Психо» — душа народа, национальный характер, «Логос» — язык и логика нации. И именно посредством такого комплексного анализа географических и климатических условиях, местной природы, национального менталитета и характера, а также языка и склада мышления нации, писатель-путешественник создает в своем травелоге целостный и гармоничный образ другой страны.

В современной имагологии также активно исследуются категории «свое/чужое» в их взаимодействии между собой. Каждая нация осознает свою уникальность и формирует собственную картину мира. При контакте различных культур их представители постигают и осмысливают чужие нравы, обычаи и менталитет, тем самым моделируя свои субъективные представления о других нациях. Поэтому «при описании пространства реализуются все краеугольные мыслительные оппозиции человека, в том числе и столь важная для мышления оппозиция, как свое/чужое» [10, с. 10], при этом категория «свое» выступает эталоном для определения категории «чужого». Такие авторитетные мыслители, как Г. Д. Гачев [1], Э. Саид [19] и др., подчеркивали, что репрезентация образа «Другого» воспроизводит и демонстрирует культурную идентичность и того, кто формирует данный образ. Справедливым представляется утверждение В. М. Гуминского о том, что путешественник в чужом осмысляемом им мире остается представителем мира своего, своей локальной и культурной идентичности: «именно этот локальный, знакомый с рождения мир, иначе говоря, родина, определяет точку зрения, масштаб и подход для понимания, оценки и т. п. иного, чужого мира путешествия и позволяет выявить его особенности (природные, бытовые, культурные и т. д.)» [3, с. 5]. Основой всякого путешествия является сопоставление своего, близкого, привычного (первоначального опыта) и чужого, нового, неизведанного (нового опыта), а писатель-путешественник становится по отношению к чужому миру в зафиксированную позицию внешнего наблюдателя, описывающего иные миры через призму своего мира. На наш взгляд, такая писательская позиция адекватна и травелогу Гончарова «Фрегат „Паллада“».

Результаты исследования и их обсуждение

Общая позиция Гончарова как автора травелога

Сибирь для европейской России первой половины XIX в. так же, как Восток для Европы в XVIII в., оставалась практически неизвестным пространством, своеобразной *terra incognita*, о которой было предельно мало точной информации, что рождало благодатную почву для появления различных субъективных репрезентаций и разнообразных имагологических образов региона.

«Центральная тема всего гончаровского кругосветного путешествия — экзотичность, „инаковость“ описываемых им локусов и пространств» [13, с. 93], и она организовала авторское восприятие сибирского края как экзотического восточного пространства.

Сибирь XIX в. предстает такой же колонией Российской империи, как Сингапур и Гонконг или африканская Капская колония для Британской империи. «Си-

бирь во «Фрегате „Паллада“» — это экзотический «чужой» мир, который России, по примеру других западных стран на Востоке, надлежит эффективно колонизовать и цивилизовать» [13, с. 98]. Описывая российскую колонизацию сибирских территорий, Гончаров проводит параллели с английскими колониями: «Туда стекается народ: предметов потребления надобится всё больше и больше, обозы идут чаще из Иркутска на прииски и обратно — и формируется центр сильного народонаселения и деятельности. Та же история, что в Калифорнии, в Австралии» [2, т. 2, с. 702]. Это сопоставление с британскими колониальными Австралией и Калифорнией, которые в XIX в. были прежде всего локусами каторги и ссылки, выявляет важные общие, хотя и противопоставленные друг другу особенности названных регионов: с одной стороны, это край, изобилующий золотом и богатством, с другой — пространство каторги и ссылки.

Но при этом следует подчеркнуть, что Гончаров, в отличие от Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, С. В. Максимова, Н. М. Ядринцева, П. Ф. Якубовича и др., описывает Сибирь совершенно вне каторжной и ссыльной парадигмы. Размышляя о причинах переселения русских в Сибирь, автор дипломатично указывает на их некие «проступки», добавляя при этом: «Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна <...>» [2, т. 2, с. 642].

Гончаровский образ Сибири в целом организован отмеченным выше принципом взаимодействия категорий «свое/чужое». Погружаясь в менталитет других наций и рефлексировав над иными культурами, писатель в сопоставлениях и отличиях выявляет и представляет читателю свойства собственно русской идентичности.

«The Russian traveler's encounters with various others — English, African, Japanese, Chinese, American, Ryukyu, Korean — ultimately lead to contemplation of the self: Goncharov's *Frigate Pallada* highlights the extent to which a sense of Russian national identity is possible only when reflected and measured against these others» [18, с. 37].

(«Русский путешественник встречает других: англичан, африканцев, японцев, китайцев, американцев, корейцев, жителей островов Рюкю и это, в конце концов, приводит к размышлениям над собой. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова подчеркивает степень, в которой чувство русской национальной идентичности возможно только в том случае, если оно отражено и оценено с учетом вышеперечисленных других»)¹.

В его описаниях сибирского края постоянно проводятся сопоставления чужого пространства со своим родным. Так, это наглядно проявилось в подробном рассказе о якутской юрте: «Я думал хуже о юртах, воображая их чем-то вроде звериных нор; а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющие стену, ставятся вертикально <...> она <...> с двумя каминами; дым идет в крышу» [2, т. 2, с. 641]. Путешествуя по сибирской реке Мае, он сравнивает ее с Окой: «Река здесь широка, будет с нашу Оку» [2, т. 2, с. 653]. Чужие, непри-

¹ Здесь и далее перевод мой — С. К.

вычные пейзажи Сибири писатель также сопоставляет с русскими, и засеянные пшеницей сибирские поля напоминают автору его родные берега Волги: «Подъезжая к реке Амге <...> я вдруг как будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестреющие хлебом» [2, т. 2, с. 683].

Таковой представляется основная позиция Гончарова как автора травелога: воспринимать чужое пространство сквозь призму своего, родного и знакомого; при этом важно подчеркнуть, что сам писатель свой способ описания «чужого» отчетливо осознавал:

«Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия — это параллель между чужим и своим» [2, т. 2, с. 66-67].

Космос Сибири

Представления о Космосе Сибири складывались у Гончарова постепенно в процессе его перемещения с Востока на Запад, от берегов Татарского пролива через Якутск и до Иркутска. Главными темами гончаровского описания сибирского Космоса становятся бескрайность и пустынность пространства в совокупности с суровым климатом.

Погода Сибири воспринимается Гончаровым, особенно после его пребывания в теплых странах, холодной, ветреной, туманной. Природу Сибири он характеризует как «мертвую» [2, т. 3, с. 56] и «ледяную» [2, т. 3, с. 56], неоднократно называя Сибирь «ледяной пустыней» [2, т. 3, с. 59].

Отмечая огромные, необозримые пространства Сибири, автор подчеркивает их необитаемость, сибирский край представляется писателю совершенно незаселенным: «Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» [2, т. 2, с. 641]. Впечатление о необжитости сибирских пространств усиливается авторскими размышлениями о птицах: даже они находятся в Сибири только временно, «мимолетом» [2, т. 2, с. 644].

В самом начале своего путешествия по Сибири при описании ее бескрайних пространств романист регулярно прибегает к эпитетам «унылый», «пустынный», «глухой», «скучный», «печальный»: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [2, т. 2, с. 642]. Излюбленный писательский прием лексического повтора (троекратный повтор лексемы «пустыня») усиливает впечатление читателя о пустынности и бескрайности пространства Сибири. И к концу своего путешествия Гончаров не может отделаться от впечатления пустынности и незаселенности Сибири. Примечательно использование того же авторского приема в троекратном повторении названия сибирской реки и детерминирующее ее прилагательное «пустой»: «Лена, Лена и Лена! Но всё еще пустая Лена <...>» [2, т. 2, с. 708]. Тем не менее пустынные сибирские пейзажи не вызывают у него ощущения опасности или страха, но лишь печаль.

При этом описания сибирских пейзажей под пером Гончарова не статичны, в процессе путешествия они становятся веселее и жизнерадостнее, а пред-

ставление о необитаемости Сибири постепенно сменяется темой сибирского гостеприимства. При приближении к Иркутску окружающая природа все более начинает напоминать писателю знакомые с детства типичные картины провинциальной русской жизни: «Слава Богу! всё стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки <...> Всем знакомые картины Руси!» [2, т. 2, с. 709-710].

В целом в процессе движения Гончарова по краю сибирский Космос постепенно у него трансформируется от совершенно «чужого» — к «своему», более понятному и привлекательному.

Психо Сибири

Ведущие специалисты по творчеству Гончарова указывают на просветительскую основу мировоззрения писателя и связь его творчества с гуманистическими идеями эпохи Ренессанса [6, 8, 11, 14]. Это определяет общее гуманное отношение писателя к человеку вообще, безотносительно к его этнической или социальной принадлежности. Как пишет В. А. Михельсон, «путешественник измеряет все, что он видит, мериллом гуманиста, и на этой основе строит свои выводы» [11, с. 94]. В «диких» коренных сибирских этносах Гончаров видит людей, пусть и находящихся в стадии «младенчества» [6]. Так, первое впечатление от встречи с коренным населением восточных окраин России на побережье Татарского пролива описано следующим образом: «Мимо фрегата редко и робко скользят в байдарках полудикие туземцы» [2, т. 2, с. 626].

В целом гончаровское Психо Сибири определяется тем, что ее населяют различные этносы и что здесь происходит своеобразное смешение разных национальностей: «Вообще здесь смесь в народе. Жители по Лене состоят и из крестьян, и из сосланных на поселение из разных наций и сословий; между ними есть и жида, и поляки, есть и из якутов» [2, т. 2, с. 703]. Именно на этом принципе «смешения» разных народов и национальностей в Сибири и строится базовое представление писателя о колонизаторской деятельности России в сибирском крае, при этом колонизация Сибири ему в целом представляется деятельностью цивилизационной.

С. А. Комаров и О. К. Лагунова, обращаясь в своем исследовании к проблеме взаимодействия малочисленных народов севера Сибири с советской цивилизацией [5], выделяют десять подходов современного гуманитарного знания к интерпретации проблемы постколониального периода «цивилизационный вызов / правильный ответ», посвященной взаимоотношениям цивилизующих и цивилизуемых субъектов: имперско-экстенсивный, государственно-проективный, ревизирующий ложноимперский выбор-ответ, внутриколониационный, регионально-освободительный, альтернативно-проектный, цивилизационно-классификаторский, философско-социальный, политико-технологический, гуманитарно-описательный.

На наш взгляд, наиболее адекватными позиции Гончарова и специфике сибирского региона являются следующие интерпретационные подходы: регио-

нально-освободительный, базирующийся на идеях лидеров духовной культуры Сибири — «областников» (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.) с их представлениями о самодостаточности региона, необходимости его просвещения и признания исторического и социально-политического факта ее колонизации; цивилизационно-классификаторский (А. Тойнби, Л. Гумилев), рассматривающий цивилизации «в привязке к особенностям территории планетарного сегмента и способности давать на высшие вызовы правильные ответы, что обеспечивает выживаемость и устойчивость цивилизации» [5, с. 59]; гуманитарно-описательный (представлен в работах таких сибирских ученых, как К. В. Анисимов, Н. В. Ковтун, И. И. Плеханова), в определенной степени оправдывающий русскую имперскую экспансию, поскольку данный подход предполагает сохранение Сибири как материального и духовного ресурса с последующим включением региона в целостность страны на основе категорий евроцентричного инструментария (традиционализм, геопространство, утопическое сознание, православие, русская духовная традиция и т. д.). Как отмечают С. С. Лим и Р. Д. Кларк, органичный, гуманный и человеколюбивый вариант русской колонизации Сибири, по мысли писателя, обусловлен нравственными идеалами русского православия [18].

В свою очередь, В. А. Слугина характеризует русскую колонизацию Сибири следующим образом: «активное политическое освоение территорий вместе с проживавшими на ней этносами осуществлялось как силовыми методами, так и путем выстраивания мирной коммуникации с коренными народами» [17, с. 172]. Гончаров при осмыслении процесса колонизации Сибири сосредотачивается исключительно на «мирной коммуникации». В тексте практически нет упоминаний о военных столкновениях или насильственных методах в ходе российской колонизации края. Лишь однажды при описании сибирских пейзажей автор как бы вскользь, без каких-либо конкретных фактов упоминает военные столкновения между русскими казаками и якутами: «Я ехал мимо старинной <...> крепости, уцелевшей от времен покорения области <...> Якуты пробовали нападать на крепость, но напрасно» [2, т. 2, с. 673]. При этом в своих письмах писатель гораздо более подробно описывает взаимоотношения якутов и русских казаков, говоря о «притеснениях» коренного населения Сибири: «Крепость построена казаками <...> для защиты от набегов якутов, которых казаки сами же и притесняли» [2, т. 15, с. 234].

Вероятно, гончаровское Психо Сибири объясняется не только гуманистическими убеждениями писателя, но и его официальной позицией чиновника в должности секретаря дипломатической миссии в Японии. В связи с этим важна мысль Э. Саида, что содержание текста и авторское отношение к описываемым фактам и событиям всегда подвержены влиянию личных обстоятельств и окружающей обстановки, в которых создается произведение; поэтому видение писателя и его оценочные суждения непременно субъективны:

«Everything one does is constrained by physical circumstance. <...> We are not disembodied brains or poetry machines. We are involved in circumstances of physical existence <...>» [19, с. 81].

(«Всё, что совершает человек, обусловлено внешними обстоятельствами. <...> Мы не бездушные существа и не машины, создающие поэтические произведения. Мы вовлечены в обстоятельства физического существования <...>»).

Целью экспедиции фрегата «Паллада» было установление дипломатических отношений с Японией, поскольку в этот период между Российской и Британской империями происходило активное геополитическое соперничество за усиление влияния в различных регионах: на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Представляется, что Гончаров в качестве официального лица экспедиции вполне сознательно формирует несколько идеализированный и гармоничный образ Сибири как русского колонизируемого Востока в противовес описанной им колонизаторской деятельности Британской империи в ее азиатских и африканских колониях.

Психо Сибири Гончарова во многом определяет противопоставление «ледяной» природы и «теплых», душевных сибиряков.

Русских переселенцев Гончаров описывает как красивых, рослых, трудолюбивых, выносливых, неприхотливых людей, способных благодаря своим лучшим качествам и чертам характера выживать в суровых условиях Сибири. Например, один из героев травелога Петр Маньков:

«На Батанге живет очень смышленный старик, Петр Маньков, с женой, в хижине. Всё это переселенцы. Они стараются прививать хлебопашество, но мало средств, и земля не везде удобна. Отчасти промышляют зверями» [2, т. 2, с. 649].

При этом, как уже было сказано выше, автор совершенно не касается каторжной и ссыльной проблематики «переселенцев» из центральной России, и при характеристике русского населения Сибири называются только географические регионы, откуда они прибыли: «Все из-за Байкала, отчасти и с Лены» [2, т. 2, с. 653]. В этих авторских зарисовках ощущается искренний писательский гуманизм по отношению к русским переселенцам, романист посещает дома сибиряков, вслушивается в их нужды и проблемы, дарит подарки их детям, за что переселенцы ему искренне благодарны.

Гончаров также остро чувствует важную социально-политическую особенность Сибири, коренным образом отличающую ее от европейской России: в сибирском крае никогда не было крепостного права и системы взаимоотношений крепостного крестьянина и барина-помещика. Этим он объясняет сильный характер русских сибиряков, их внутреннюю свободу и чувство собственного достоинства, и в этом он видит одно из главных отличий Психо Сибири от Психо европейской России.

Именно русские переселенцы, в изображении писателя, своей жизнью в Сибири подают положительный пример колонизируемым коренным народам, которые

перенимают у них земледелие, хлебопашество, привычку к систематическому труду.

Представители коренных этносов Сибири находятся, с его точки зрения, на самом низком уровне цивилизованности, в этом смысле характерно неоднократное сопоставление их с животными, насекомыми:

«Тут <...> дикари всех родов, звери, начиная от черных и белых медведей до клопов и блох включительно» [2, т. 2, с. 633]; «<...> по дороге нигде нет ни волков, ни медведей, а есть только якуты <...>» [2, т. 2, с. 668].

На этом фоне в травелогe разворачивается масштабная картина цивилизаторской деятельности Российской империи. Она отправляет русских миссионеров в суровых природных условиях Сибири к дальним местам проживания тунгусов, алеутов, якутов и др. сибирских этносов, чтобы обратить их в православие. Зачастую подобные поездки включают ночевки под открытым небом в трескучие сибирские морозы. Автор искренне восхищается их тяжелым и добросовестным трудом; он упоминает огромные расстояния, преодолеваемые миссионерами к местам, где «не живет никто, а кочуют якуты, тунгусы, чукчи» [2, т. 2, с. 686]. Такая самоотверженная деятельность сибирских миссионеров имеет ощутимые положительные результаты. Например, якуты получают в травелогe следующую авторскую характеристику: «Все они христиане, у всех медные кресты; все молятся» [2, т. 2, с. 652].

Не только духовные лица, но и русские купцы также ездят на огромные расстояния в холодном сибирском климате для торговли с коренным населением. Автор подробно описывает процесс торговли и товары. Русские купцы снабжают туземцев действительно полезными вещами: тканями, рабочими инструментами, продуктами питания. При этом отмечается отсутствие спиртных напитков, оказывающих пагубное влияние на здоровье туземцев. В этом отношении очень показателен описанный Гончаровым и действительно существовавший в XIX в. законодательно закрепленный запрет продажи спиртных напитков представителям коренных сибирских народов. Писатель подчеркивает, что сибирские туземцы цивилизуются постепенно и осторожно при активном содействии русского правительства.

Ярким выражением Психе Сибири стало у Гончарова описание Якутска, которое представляется несколько идеализированным, но поэтому прекрасно укладывается в общую картину гончаровского идиллического описания Сибири:

«Обычаи здесь патриархальные <...> живут все в больших ладах <...> я нашел много живости и разговоров на обедах; недоверия не заметил <...> общество в том виде, как оно теперь в Якутске, право, порядочное» [2, т. 2, с. 679-680].

С его точки зрения, жизнь якутского общества существенно отличается от бездеятельной жизни русской глубинки своей деятельной энергией:

«Я узнал, что жизнь их не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах, а у нас, из скромности, молчат» [2, т. 2, с. 685-686].

Показательно, что в данном авторском высказывании оппозиция «свое-чужое» реализуется в утверждении сибирского как «своего»: «у нас», т. е. в Сибири) и «в других местах», т. е. других странах.

«Мирная» колонизация Сибири Российской империей приносит свои плоды: писатель приводит примеры социального, экономического, в некоторых случаях культурного равенства русского населения и коренных сибирских этносов, в травелоге — значительное количество описанных ситуаций совместного проживания, общей деятельности, совместного досуга русских поселенцев и представителей коренных сибирских этносов.

Но особенно ярко эта формирующаяся сибирская общность проявляется в Логосе Сибири.

Логос Сибири

Характеризуя сибирский Логос, Гончаров отмечает, что практически все население Сибири, русская администрация и миссионеры, русские переселенцы и представители коренных народов, в той или иной степени являются билингвами, говорят одновременно на русском языке и на языках коренных этносов Сибири (якутском, тунгусском, алеутском). Чиновники и миссионеры при необходимости разговаривают с представителями сибирских народов на их родном языке; «все духовные лица здесь знают якутский язык» [2, т. 2, с. 688]; на местные языки переводится религиозная литература и административные документы.

Русификация коренного населения и изменение их национальной, культурной и языковой идентичности предопределили социально-экономическое и культурное развитие колонизируемых окраинных территорий. Но этот процесс не был односторонним, как указывал В. Сандерленд [16], который наряду с историческими, географическими и этнографическими материалами, обращается и к «Фрегату „Паллада“» И. А. Гончарова. Непростые и многогранные взаимоотношения между русскими сибиряками-переселенцами и коренными сибирскими этносами приводили к тому, что русское население региона отказывалось от собственной национальной, культурной и языковой идентичности и усваивало идентичность коренного населения края [16].

Указанная специфика процесса российской колонизации Сибири проявлена в описаниях персонажей-сибиряков гончаровского травелога. В качестве примера приводится семья русского колонизатора Егора Петровича Бушкова: Егор работает на колонизируемого якута и делит с ним проживание в одной юрте, вместе со своей семьей; а дети Бушкова (русские по происхождению) используют в речи лишь якутский язык. Описание образа жизни этого персонажа и его

семьи убедительно доказывает представленную в травелогe авторскую концепцию гармоничного совместного существования и смешения русской культуры с культурами колонизируемых коренных сибирских этносов. В своих письмах писатель также отмечает широкое распространение якутского языка среди русского населения Сибири: «Всего замечательнее мне показалось, что здесь якуты не учатся по-русски, а русские по-якутски говорят до непозволительной степени» [2, т. 15, с. 235]. В связи с этим автор предлагает такой тип самоидентификации переселенцев Сибири, как «русский якут»: «<...> он русский родом, а по языку якут» [2, т. 2, с. 662]. Но при этом Гончаров рассказывает и о «настоящих якутских якутах» [2, т. 2, с. 662], по его определению, т. е. об этнических якутах. Он описывает свой ночлег на Крестовской станции в доме этнических якутов, отмечая, что хозяйский сын, «настоящий якут» [2, т. 2, с. 663], говорит по-русски. Так, в соответствии с авторскими наблюдениями можно говорить о взаимовлиянии и взаимозависимости русской и якутской национальной идентичности.

Как отмечали многие путешественники и этнографы, на восточных окраинах Российской империи им часто встречались русские люди в значительной степени ассимилированные местным населением. При этом в наибольшей мере «обынородившиеся» русские проживали на Севере Сибири. Это выражалось в перенятом от местного населения языке, языческих верованиях, обычаях, культурных чертах, пище, одежде и т. д. Важнейшими причинами этого процесса, по мнению исследователей, являлись смешанные браки, суровые климатические условия, изолированность русских, проживающих на окраинах империи, от центральных губерний. Утрата русскими переселенцами на севере родного языка была, по мнению многих исследователей XIX в. (когда язык наиболее тесно отождествлялся с национальностью), одним из самых ярких доказательств ассимиляции.

Гончаров использует в травелогe исконные сибирские наименования коренных народов края: «Мы успели войти кое в какие сношения с бродячими мангунами, ороча, или, по-сибирски, тунгусами» [2, т. 2, с. 626]. Кроме этого, он приводит в тексте целый ряд услышанных им во время путешествия сибирских диалектизмов, помогающих ему понять и донести до читателя чужие сибирские реалии и локальный экзотический колорит: сохатый (лось), черемша (дикий чеснок), нарты (сани), сары (якутские сапоги из конской кожи), пурга (вьюга), исправный (богатый), ушкан (заяц), азойно (тяжело), юрта (ураса), кислица (смородина), кухлянка (меховая рубашка), торбасы (сапоги), чижи (чулки), хиус (холодный зимний ветер), малахай (меховая шапка), поварня (нежилая изба или юрта для ночлега охотников), шибко (очень), обнатуренный (привыкший, приспособившийся к новому месту), чувал (пристенный очаг с нависающим дымоходом), пристать (устать), гаркнуть (позвать), заимка (однодворное поселение с прилегающим земельным участком вдали от освоенных территорий) и др. Он приводит примеры исключительно сибирских диалектизмов, отмечая в них своеобразное смешение русского и якутского языков: «<...> еду в телеге, или

скате, как ее называют здесь и русские, и якуты, не знаю только, на каком языке» [2, т. 2, с. 658]. С помощью просторечных неправильных форм русских слов автор фиксирует определенные социальные особенности описываемых им персонажей травелога: например, сибирский ямщик называет резиденцию золотоискателей «разведенцией» [2, т. 2, с. 706].

Гончаров полагает, что русский язык, на котором говорят сибирские переселенцы, претерпевает определенные трансформации (большое количество диалектизмов, фонетические особенности, неправильные грамматические формы) и становится непохожим на привычный писателю русский язык.

Вместе с тем он отмечает, что якуты за неимением собственных слов и обозначаемых ими понятий перенимают русские наименования, которые входят в словарный состав якутского языка. Писатель приводит в пример слово «хлеб», поясняя, что русские научили якутов выращивать хлеб, и данное русское слово «навсегда» [2, т. 2, с. 689], по авторскому мнению, вошло в якутский язык. Автор также добавляет, что в связи с отсутствием письменности в якутском, тунгусском и алеутском языках для письменной грамоты в них используются русские буквы.

Писатель с ласковой иронией описывает фонетические особенности языков коренного населения Сибири, якутского, тунгусского и колошенского: «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы!» [2, т. 2, с. 690]. Также он описывает речевые особенности коренных сибирских этносов, когда они говорят на русском языке: например, проводник-якут «пренежно» произносит русское слово «пешком» на свой манер — «пешкьюем» [2, т. 2, с. 656].

В тексте травелога писатель приводит фразы на якутском языке, с помощью которых он разговаривает с проводниками-якутами. «<...> сделаешь заученный по-якутски вопрос: «Кась бироста ям?» («Сколько верст до станции?»). Он <...> или «гра-гра» ответит («далеко»), или «чугес» («скоро, тотчас») <...>» [2, т. 2, с. 645]. Очень показательно это стремление самого Гончарова говорить с якутами на их родном языке и фиксировать особенности языков коренных этносов Сибири в своем произведении.

В целом Гончаров описывает продуманную, дальновидную политику российского правительства и православного духовенства, направленную на обучение коренных сибирских народов грамоте, чтобы они могли самостоятельно читать переводы священных текстов и приобщаться к российской культуре.

Заключение

Образ Сибири в травелоге Гончарова «Фрегат „Паллада“» формируется ориенталистской и колониальной проблематикой, заданной всем контекстом путешествия писателя по странам Азиатско-Тихоокеанского региона, и сибирский край предстает в произведении восточной колонией Российской империи. Общая позиция Гончарова как автора травелога определяется принципом взаимодей-

ствия категорий «свое/чужое», и на этой основе писатель организует целостный образ Сибири, его Космо-Психо-Логос.

Основные особенности сибирского Космоса — бескрайние пустынные пространства и суровый климат. При этом по мере продвижения писателя от Дальнего Востока к Восточной Сибири его сибирский Космос постепенно трансформируется от совершенно «чужого» до более понятного «своего». В противоположность суровому и холодному сибирскому Космосу Психо Сибири, обусловленное гармоничным сосуществованием русских переселенцев и коренных сибирских этносов, представляется писателю душевным и теплым. Гуманное отношение представителей России к коренному населению Сибири демонстрирует идиллически-гармоничный тип колонизации: не доминирование русской культуры, но мирное сосуществование с культурой колонизируемых народов. Это ярко проявляется в сибирском Логосе, представленном Гончаровым как плодотворный живой диалог русского языка и языков коренных сибирских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 480 с.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / И. А. Гончаров; под ред. В. А. Котельникова, Е. А. Краснощековой, Т. И. Орнатской, М. В. Отрадина, К. Савады, Н. Н. Скатова, П. Тиргена, В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 1997-2017.
3. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте / В. М. Гуминский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
4. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов / Д. Н. Замятин // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> (дата обращения: 28.04.2021).
5. Комаров С. А. Проблема «Цивилизационный вызов / правильный ответ» и художественная словесность малочисленных народов севера Сибири: случай А. П. Неркаги / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 57-72.
6. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощекова. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
7. Курило С. А. Жанровая природа «Фрегата „Паллада“» И. А. Гончарова / С. А. Курило // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 34-37.
8. Лощиц Ю. М. Гончаров / Ю. М. Лощиц. М.: Молодая гвардия, 1977. 352 с.
9. Мельник В. И. Гончаров / В. И. Мельник. М.: Вече, 2012. 432 с.
10. Милюгина Е. Г. Русская культура в зеркале путешествий / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.
11. Михельсон В. А. Гуманизм И. А. Гончарова и колониальный вопрос / В. А. Михельсон. Краснодар: [б. и.], 1965. 282 с.

12. Новикова Е. Г. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др.; под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Издательство Том. гос. ун-та, 2021. 288 с.
13. Новикова Е. Г. Образ Сибири в «очерках путешествия» Гончарова «Фрегат „Паллада“» / Е. Г. Новикова // Гончаров и время: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 89-98.
14. Пиксанов Н. К. Гончаров и колониализм / Н. К. Пиксанов // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23-53.
15. Постнов О. Г. Сибирские главы «Фрегата “Паллада”» : (К проблеме положительного героя в творчестве И. А. Гончарова) / О. Г. Постнов // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 10. Вып. 2. С. 50-55.
16. Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 / В. Сандерленд // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 199-227.
17. Слугина В. А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI-XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования: дис. канд. ист. наук / В. А. Слугина. ИИ СО РАН, 2017. 200 с.
18. Lim S. S. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East / S. S. Lim, R. D. Clark // The Slavic and East European Journal. 2009. Vol. 53. No. 1. Pp. 19-39.
19. Said E. Power, politics and culture: interviews with Edward W. Said / E. Said; edited and with an introduction by G. Viswanathan. New York: Random House, Vintage Books, 2002.

Svetlana A. KURILO¹
Elena G. NOVIKOVA²

UDC 82-311.8

IMAGE OF SIBERIA AS RUSSIAN COLONIAL ORIENT IN IVAN GONCHAROV'S TRAVELOGUE *THE FRIGATE PALLADA*

¹ Applicant, Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Tomsk State University (Tomsk),
Manager, International Student Department,
National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk)
coureelosvetlana@gmail.com

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Tomsk State University (Tomsk)
elenov@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the image of Siberia in the last chapters of Ivan Goncharov's book *the Frigate Pallada*. The aim of the article is to reconstruct a comprehensive image of Siberia as an eastern colony of the Russian Empire in *the Frigate Pallada*. *The Frigate Pallada* text and the writer's publicistic and epistolary heritage are the material for the study. The imagological and cultural approaches to the studied material are the methodological basis for this study. The specified aim and used methodology have determined the multidimensional scientific novelty of the study.

We have obtained the following study results. Goncharov managed to create the comprehensive image of Siberia in *the Frigate Pallada*. The imagological approach to the material and G. Gachev's concept of the national picture of the world expressed by the author's threefold term Cosmo-Psycho-Logos are adequate to reconstruct the created writer's image of Siberia. Goncharov contrasts the main features of the Siberian Cosmos (empty spaces and harsh climate) with the humane Siberian Psycho that is due to the harmonious coexistence of Russian settlers and indigenous Siberian ethnic groups. Siberian Logos also convincingly proves this

Citation: Kurilo S. A., Novikova E. G. 2022. "Image of Siberia as Russian Colonial Orient in Ivan Goncharov's Travelogue *the Frigate Pallada*". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 22-40. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

harmonious coexistence depicted by the writer, in particular, the living interaction of the Russian language and the languages of the indigenous Siberian people. Today specialists actively research the *us-them* category interaction in modern imagology and in literary travelogues in particular. The writer's comparisons with his own Russian realities are frequent in *foreign* Siberia. Goncharov's approach particularity is to perceive foreign space in the light of his own space, this is his human and writer's worldview.

Thus, we have come to the following conclusions. The article demonstrates that Goncharov's position (an adherent of the humanist ideas and an official, a secretary of the diplomatic expedition at the same time) has resulted in an idyllic positive image of the Siberian region as the eastern colony effectively mastered by the Russian Empire.

Keywords

I. Goncharov, *Frigate Pallada*, Siberia, travelogue, orientalism, colonialism, post-colonialism, imagology, Cosmo-Psycho-Logos.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-22-40

REFERENCES

1. Gachev G. D. 1995. National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos. Moscow: ProgressKultura. [In Russian]
2. Goncharov I. A. 1997-2017. Complete Works and Letters in 20 Vols. Edited by V. A. Kotelnikov, E. A. Krasnoshchekova, T. I. Ornatskaya, M. V. Otradin, K. Savada, N. N. Skatov, P. Tirgen, V. A. Tunimanov. St. Petersburg: Nauka. [In Russian]
3. Guminskiy V. M. 2017. Russian Travel Literature in the Global Historical and Cultural Context. Moscow: IMLI RAN. [In Russian]
4. Zamyatin D. N. 2000. "Phenomenology of Geographical Images". NLO, no 6. Accessed 28 April 2021. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> [In Russian]
5. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. "The 'Civilizational Challenge / Correct Response' Problem and the Artistic Literature of the Small-Numbered Peoples of the Siberian North: the Case of A. P. Nerkagi". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no 3 (27), pp. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72 [In Russian]
6. Krasnoshchekova E. A. 1997. I. A. Goncharov: The World of Creativity. St. Petersburg: Pushkinskiy Fond. [In Russian]
7. Kurilo S. A. 2016. "Genre Nature of the Frigate 'Pallada' by I. A. Goncharov". Proceedings of Voronezh State University, no 4, pp. 34-37. [In Russian]
8. Loshchits Yu. M. 1977. Goncharov. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian]
9. Mel'nik V. I. 2012. Goncharov. Moscow: Veche. [In Russian]
10. Milyugina E. G., Stroganov M. V. 2013. Russian Culture in the Mirror of Travel. Tver: Tver State University. [In Russian]
11. Mikhelson V. A. 1965. Humanism of I. A. Goncharov and the Colonial Question. Krasnodar. [In Russian]

12. Novikova E. G., Shcherbinin A. I., Virovets S. V., et al. 2021. F. M. Dostoevsky's Geopolitical Map and his Picture of the World. Edited by E. G. Novikova, A. I. Shcherbinin. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. [In Russian]
13. Novikova E. G. 2014. "The Image of Siberia in the Travel Essays of I. A. Goncharov *The Frigate Pallada*". In: Novikova E. (ed.). Goncharov and Time, pp. 89-98. Tomsk: Tomsk State University. [In Russian]
14. Piksarov N. K. 1963. "Goncharov and Colonialism". Materials of the Anniversary Goncharov Conference, pp. 23-53. Ulyanovsk. [In Russian].
15. Postnov O. G. 1988. "Siberian Chapters of *the Frigate Pallada*: (On the Problem of the Positive Hero in the Works of I. Goncharov)". *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, Seriya istorii, filologii i filosofii*, no. 10 (2), pp. 50-55. [In Russian]
16. Sanderlend V. 2005. "Are Russians Transforming into Yakuts? 'Foreignization' and Problems of Russian National Identity in Northern Siberia, 1870-1914". In: Vert P., Kabaytov P. S., Miller A. I. (eds). *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya*, pp. 199-227. Moscow: Novoe Izdatelstvo. [In Russian]
17. Slugina V. A. 2017. "Legal Registration of the Russian Citizenship for the Siberian Peoples in the 16th-17th Centuries: Sherting Records and Sherting Procedure". Cand. Sci. (Hist.) diss. Novosibirsk: Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
18. Lim S. S., Clark R. D. 2009. "Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East". *The Slavic and East European Journal*, vol. 53, no 1, pp. 19-39.
19. Said E. 2002. *Power, Politics and Culture: Interviews with Edward W. Said*. New York: Random House, Vintage Books.